

В. А. Томсинов

**Леонид Алексеевич Камаровский
(1846 – 1912)**

Опубликовано:

Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 2. М.: Зерцало-М, 2015. С. 167–192.

Леонид Алексеевич Камаровский

(1846—1912)

ЛЕОНИД Алексеевич Камаровский (Комаровский) родился 15 марта 1846 года в г. Казани в дворянской семье.

Род русских дворян Комаровских происходил от выходца из Польши Павла Прокофьевича Комаровского, который согласно записи в Писцовых книгах Новгородской земли, владел здесь в 1626 году поместьем. Прадед Л. А. Камаровского — Федот Афанасьевич Комаровский (1728—1776) — в молодости своей служил в Санкт-Петербурге чиновником дворцовой канцелярии, после выхода в отставку поселился в Ухотской волости. Он был женат на Ульяне Ивановне Зиновьевой (1732—1770). Их сын и дед Леонида Алексеевича — Евграф Федотович Комаровский¹ (1769—1843) — посвятил свою жизнь военной службе. В царствование Павла I он был возведен в чин генерал-майора (в 1799 г.), а при восшествии на престол Александра I стал его генерал-адъютантом. В 1802 году Е. Ф. Комаровский несколько месяцев занимал должность петербургского обер-полицмейстера. В 1803 году ему был дарован титул графа Священной Римской империи². «Граф Евграф» стали звать его после этого в петербургском высшем обществе. В 1816 году Е. Ф. Комаровский был назначен командиром Отдельного корпуса внутренней стражи и получил чин генерал-лейтенанта. В 1828 году он стал сенатором и был удостоен чина генерала-от-инфантерии. В апреле 1829 года ему пришлось уйти в отпуск для излечения от болезни. На этом завершилась его государственная служба. Последние годы жизни Евграф Федотович провел в своем имении села

---

¹ В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова фамилия Евграфа Федотовича пишется как Камаровский.

² В XVIII в. титула графа Священной Римской империи удостаивались такие известные государственные деятели России, как А. Д. Меншиков (в 1702 г.), Э. И. Бирон (в 1730 г.).

Городище, располагавшемся в Орловской губернии. Здесь он и умер в 1843 году¹.

Женой графа Е. Ф. Комаровского была Елизавета Егоровна Цурикова (? — 1847). У них родилось пятеро сыновей: Егор (1803—1875)², Александр (1808—1813), Владимир (1809—1813), Павел (1812—1873) и Алексей (?—1895)³, а также трое дочерей: Авдотья (1805—1807), Анна (1806—1872) и Софья⁴. Будучи человеком военным, Евграф Федотович не чужд был духовных интересов. Он переписывался с Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, общался с А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, М. П. Погодиным. В 1786 году в его переводе на русский язык вышел роман Н. Ретифа де ла Бретона «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения»⁵. В имении Городище граф организовал любительский театр, на спектакли которого съезжались гости со всей округи. Его дочь Анна была в 20-е годы постоянной посетительницей литературных

¹ Свой жизненный путь граф Е. Ф. Комаровский вкратце описал в записках, которые впервые были опубликованы в полном объеме в 1897 г. в журнале «Исторический Вестник» (том LXXIX. № 7—9; том LXX. № 10—11). См. также: Записки графа Е. Ф. Комаровского // Комаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 221—454.

² Через Егора род Комаровских породнился с семьей поэта Дмитрия Веневитинова — в 1830 г. Егор Евграфович женился на его сестре Софье Владимировне (1808—1877), приходившейся четвероюродной сестрой поэта А. С. Пушкина. Известный в дореволюционной России поэт Василий Алексеевич Комаровский (1881—1914) был их внуком.

³ В генеалогическом древе, начертанном на форзаце «Воспоминаний» Е. Л. Комаровской и Е. Ф. Комаровского, напечатанных в 2003 г. издательством «Захаров», датой рождения Алексея Евграфовича Комаровского называется 1807 г. Это явная ошибка. Сообщая в записках о главных событиях своей жизни в 1807 г., граф Е. Ф. Комаровский упомянул своих детей: Егора, Авдотью, Анну, но ничего не написал об Алексее, который якобы в этот год родился. А вот о рождении 1 февраля 1808 г. сына Александра он не забыл сообщить. В последних строках своих мемуаров Евграф Федотович написал о том, что в феврале месяце 1833 года отдал Алексея Евграфовича в пансионат к профессору Московского университета Погодину. Согласившись с тем, что Алексей родился в 1807 г., мы вынуждены будем признать, что в предназначившийся для воспитания подростков пансионат Погодина он поступил в возрасте 26 лет. Очевидно, что подлинной датой его рождения мог быть скорее год 1817-й или 1818-й, но ни в коей мере не 1807-й.

⁴ В одном из примечаний к тексту своих мемуаров Евграф Федотович Комаровский сообщил, что 21 апреля 1828 г. его дочь графиня Софья Евграфовна была пожалована во фрейлины к императрицам Александре Федоровне и Марии Федоровне.

⁵ См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К—П. СПб., 1999. С. 113.

салонов, устраивавшихся в домах столичной знати. Она состояла в личном знакомстве со многими писателями того времени и в том числе с поэтом А. С. Пушкиным. Александр Сергеевич записал однажды в альбом Анны Евграфовны, который она вела приблизительно с 1826 года, свое стихотворение «Муза». По словам литературоведа Б. Л. Модзалевского, это «превосходный, единственный в своем роде автограф» данного стихотворения Пушкина¹.

Отец Л. А. Камаровского — граф Алексей Евграфович — получил хорошее образование. По завершении обучения в пансионате профессора М. П. Погодина он окончил Санкт-Петербургский университет. Затем состоял на государственной службе, но карьеры здесь себе не сделал. Не принесла ему большого успеха и его деятельность в хозяйственной сфере. Более того, в конечном итоге Алексей Евграфович совершенно разорился и оказался безнадежным должником. «Сибарит, избалованный человек, авантюрист, он вечно выдумывал какие-то аферы с куплей-продажей и в конце концов совсем прогорел»² — так охарактеризовала его в своих мемуарах Екатерина Леонидовна Камаровская, приходившаяся ему внучкой.

Женой Алексея Евграфовича Камаровского была Аделаида Альбертовна Пирх, дочь казанского помещика, немца по происхождению, барона Альберта Карловича Пирха. В 1830—1831 годах барон Пирх исправлял должность Казанского губернатора³. Уйдя по собственной воле в отставку, он все силы посвятил своему имению в Спасском уезде, которое считалось образцовым в Казанской губернии, и воспитанию двух своих дочерей — Софьи и Аделаиды. Их матерью и бабушкой Леонида Алексеевича Камаровского была Анна Николаевна Мусина-Пушкина (1802—1831), сестра графа М. Н. Мусина-Пушкина (1795—1837)⁴. Писаная красавица, она оказалась обреченной на смерть в возрасте 29 лет. В роду Камаровских впоследствии много десятилетий рассказывали историю, случив-

¹ Модзалевский Б. Л. Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожденной графини Камаровской // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1909. Вып. 11. С. 80.

² Камаровская Е. Л., Камаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 58.

³ Точнее, с 15 ноября 1830 г. по 21 июня 1831 г.

⁴ Попечителя Казанского (в 1829—1845 гг.) и Санкт-Петербургского (в 1845—1856 гг.) учебных округов, сенатора (с 1849 г.).

шуюся во время ее похорон. Альберт Карлович в порыве страшного горя, «схватив обеих маленьких дочерей, бросил их в гроб к матери. «Она умерла, — кричал он, — умрите и вы!» Аделаида Альбертовна до конца своих дней¹ не могла забыть этого случая. Будучи человеком глубоко верующим, она любила одиночество: никого, кроме Бога, не пускала в свою душу.

С 1831 по 1841 год должность Казанского губернатора занимал Степан Степанович Стрекалов. Сменил его на этом посту генерал-лейтенант (с 1843 г. — генерал-от-инфантерии) Сергей Павлович Шипов (1790—1876) — муж Анны Евграфовны², родной сестры Алексея Комаровского. Казанским губернатором Шипов был с 27 декабря 1841 года по 14 марта 1846 года³. Возможно, именно он поспособствовал переезду графа Алексея Евграфовича в Казань, где он повстречался с Аделаидой Альбертовной.

Леонид Алексеевич был первенцем среди детей, рожденных в их семье. Через год после его рождения на свет появилась дочь — Аполлинурия Алексеевна⁴, а два года спустя родился еще один сын — Ипполит Алексеевич⁵.

Начальное образование дети Алексея Евграфовича и Аделаиды Альбертовны получали дома. В его основе лежало изучение иностранных языков, как древних, так и современных. Леонид с детства учился читать с помощью приглашенных учителей на латыни и древнегреческом языке, а со своими гувернерами — немцем и французом по национальности — осваивал немецкий и француз-

---

¹ Мать Леонида Алексеевича Камаровского Аделаида Альбертовна умерла в 1901 г.

² Брак Анны Евграфовны Комаровской с Сергеем Павловичем Шиповым был заключен в 1828 г.

³ 14 марта 1846 г. С. П. Шипов был назначен присутствующим в московских департаментах Сената. Это позволило ему поселиться с женой в Москве и провести здесь последние годы жизни. Именно в Москве Анна Евграфовна и скончалась 3 марта 1872 г. В сообщении о ее смерти, опубликованном 15 января 1873 г. в газете-журнале «Гражданин» (№ 3), говорилось, что она «повсюду, где жила, по служебному пребыванию мужа, т. е. в Варшаве, в Казани, особливо же в последнее время в Москве, привлекала к себе общее уважение образованным умом, любезностью, добротой и умением оживить в обществе духовные интересы. В Москве у нее в гостиную постоянно собирался кружок людей образованных».

⁴ Сестра Леонида Алексеевича Камаровского Аполлинурия Алексеевна Комаровская умерла в 1879 г.

⁵ Брат Леонида Алексеевича Камаровского Ипполит Алексеевич Комаровский умер в 1875 году.

ский языки. Позднее он выучит также английский и итальянский языки. Вместе с тем он занимался с домашними учителями древнеримской литературой, историей, географией и другими предметами, составлявшими гимназическую программу.

В 1864 году Леонид Камаровский сдал экстерном в 1-й Казанской гимназии экзамены за весь курс гимназического обучения и поступил на юридический факультет Императорского Московского университета.

В то время здесь преподавала целая плеяда видных русских ученых, историков и правоведов. Так, лекции по русской истории читал студентам 1-го курса юридического факультета профессор Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879). Историю русского законодательства преподавал на 2-м курсе профессор Иван Дмитриевич Беляев¹. Он отличался доскональным знанием архивных документов, его лекции были довольно монотонными по форме изложения, но этот недостаток сполна компенсировался их содержательностью.

Государственное право преподавал студентам-юристам 2-го курса известный ученый и публицист профессор Борис Николаевич Чичерин², автор таких научных трудов, как «Областные учреждения России в XVIII веке» (М., 1856), «О народном представительстве» (М., 1866)³. «Лекции его как бы соответствовали его внешности, были красиво отделаны и изобиловали множеством фактов и требовали значительного внимания и вдумчивости, чтобы постигнуть дух и цель излагаемого им»⁴, — вспоминал о Чичерине пришедший на учебу в Московский университет в один год с Леонидом Камаровским Иван Иванович Янжул, ставший впоследствии профессором юридического факультета.

---

¹ 26 марта 1865 г. и. д. экстраординарного профессора И. Д. Беляев «по представлении и защите» написанной им диссертации под заглавием: «Исследование о постепенном изменении значения крестьян в Русском Обществе» был утвержден определением Совета Императорского Московского университета в степени доктора гражданского права.

² 20 ноября 1865 г. Совет Императорского Санкт-Петербургского университета, «принимая в уважение заслуги исправляющего должность экстраординарного профессора в Московском университете Чичерина на поприще отечественного государственного права», утвердил его в степени доктора государственного права.

³ См. о нем очерк в настоящей книге.

⁴ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 52.

Лекции по гражданскому праву на 3-м курсе, а по гражданскому судопроизводству студентам 4-го курса юридического факультета читал Константин Петрович Победоносцев¹, одновременно работавший при этом в восьмом (московском) департаменте Сената. Леониду Камаровскому не довелось, правда, их слушать: летом 1865 года Победоносцев ушел из Московского университета, по его собственному объяснению в письме к ректору С. И. Баршеву, вследствие того, что резко возрос объем его занятий сенатскими делами, а его здоровье ослабело.

Историю римского права и римское право в догматическом изложении преподавал студентам-юристам Никита Иванович Крылов. И. И. Янжул писал впоследствии в своих мемуарах, что профессор Крылов был «самой крупной величиной на первом курсе юридического факультета в Москве 1860-х годов», он «весьма хорошо усвоил суть и дух римского права и умел его хорошо передавать ловким, образным языком, уснащая множеством наглядных примеров, сопоставлений, смотря по характеру передаваемых институтов. Его лекции посещались охотно, как спектакль какой-нибудь хорошей комической труппы, с целью прежде всего посмеяться, а мимоходом, глядишь, что-нибудь в голове и останется»².

Науку уголовного права преподавал на юридическом факультете Сергей Иванович Баршев³, который во все время учебы Леонида Камаровского в Московском университете являлся ректором Московского университета⁴. Он был автором первого в России учебного курса уголовного права, опубликованного в 1841 году под названием «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях в двух разделах». На основе данного учебника осуществлялось преподавание уголовного права во всех российских университетах. Лекции профессора С. И. Баршева также во многом повторяли его текст.

Полицейское право читал студентам-второкурсникам профессор Василий Николаевич Лешков (1810—1881), занимавший в 1863—1872 годах должность декана юридического факультета. По словам

¹ См. о нем очерк в настоящей книге.

² Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 51.

³ См. о нем о нем очерк в настоящей книге.

⁴ С. И. Баршев занимал должность ректора Московского университета в 1863—1870 гг.

И. И. Янжула, предмет этот Лешков «до гроба не хотел называть таким противным именем, обратно с огромным числом представителей этой науки в Европе и Америке, а именовал всегда “общественным правом” и старался подвести под нее всю ту разнообразную деятельность (что, разумеется, в сущности представляло невозможную, невыполнимую задачу), которая совершается в стране не государственной властью и не исключительно частной инициативой»¹. Главный труд В. Н. Лешкова в области «общественного» права — объемная (числом в 612 страниц) книга «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века», напечатанная в университетской типографии в 1858 году.

Начинал же Лешков свой путь в науке на поприще международного права². В 1841 году он защитил докторскую диссертацию на тему «О морском торговом нейтралитете». Ее текст был в том же году издан отдельной книгой под названием «Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли». В 1847 году была опубликована речь В. Н. Лешкова «О древней русской дипломатии», произнесенная им в торжественном собрании Императорского университета.

Лекции по международному праву читал на 4-м курсе юридического факультета Московского университета профессор Михаил Николаевич Капустин (1828—1899)³. В 1853 году он защитил диссертацию «Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го века» на степень магистра общенародного правоведения и тогда же начал преподавать эту науку вместо занимавшего кафедру дипломатии и общенародного правоведения, по совместительству профессора кафедры законов благоустройства и благочиния В. Н. Лешкова. С сентября 1863 года М. Н. Капустин преподавал еще и энциклопедию права: лекции по этому предмету читались студентам-первокурсникам в объеме 6 ча-

¹ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 53.

² См. о В. Н. Лешкове как специалисте в области международного права: *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917) / Под редакцией У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2005. С. 352—363.

³ См. о нем: *Устинов В. М.* Памяти М. Н. Капустина (Речь, читанная в С.-Петербургском Юридическом Обществе 4-го декабря 1899 г.) // *Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете.* 1900. № 1. С. 94—103.

сов в неделю. В соответствии с Университетским уставом 1863 года кафедра дипломатии и общенародного права была переименована в кафедру международного права. Профессор Капустин занимал ее до 13 марта 1870 года, до своего назначения на должность директора Демидовского юридического лицея.

Годы учебы Леонида Камаровского на юридическом факультете Московского университета пришлось на время, когда в России разворачивались крупные государственные преобразования. Для развития юридической науки наибольшее значение имела судебная реформа, начавшаяся с издания в конце 1864 года «Учреждения судебных установлений», уставов уголовного и гражданского судопроизводства и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Правовед С. В. Пахман отмечал в 1882 году в речи «О современном движении в науке права», которую произносил в годовом собрании Санкт-Петербургского Юридического общества: «Серьезная потребность в юридическом знании, как известно, была признана у нас собственно с весьма недавнего времени, именно, со времени судебной реформы, когда деятельность суда была изъята из области канцелярской тайны и стала доступна гласному контролю общественного мнения. Только с этого времени юридическая наука могла выступить с свойственным ей авторитетом»¹.

Круг научных интересов студента Камаровского был весьма обширен. Его привлекали к себе и государственное право, и древнеримская история². Но главным объектом его внимания стало международное право. Со студенческих лет и до конца своей жизни Леонид Алексеевич относился к этой науке так, будто это была его религия.

После окончания в 1868 году университетского курса обучения Л. А. Камаровский был оставлен при кафедре международного права для подготовки к профессорскому званию. В 1869 году его отправили для совершенствования познаний в юридических науках в двухгодичную командировку в университеты Германии и Австро-Венгрии. Возвратившись в Россию, Камаровский сдал в декабре 1870 года магистерский экзамен и приступил к работе над магистерской диссертацией.

¹ Пахман С. В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 67.

² Теме экономического и финансового положения Древнего Рима Леонид Камаровский посвятил свое кандидатское сочинение.

Проявившиеся в нем весной 1871 года признаки заболевания туберкулезом заставили его прервать эту работу и снова уехать за границу. В течение полутора лет Камаровский проходил курс лечения в Швейцарии. Поправив свое здоровье, Леонид Алексеевич решил продолжить занятия международным правом и работу над магистерской диссертацией в Гейдельбергском университете под руководством Иоганна Каспара Блюнчли (*Johann Kaspar Bluntschli*, 1808—1881), который к тому времени приобрел известность такими работами в этой науке, как «Современное военное право цивилизованных государств»¹, «Современное международное право цивилизованных государств, представленное в виде кодекса»².

Профессор Блюнчли отнесся к молодому русскому ученому с большой приветливостью и охотно помогал ему своими советами и наставлениями. Камаровский, в свою очередь, испытывал к своему иностранному учителю огромное уважение, несмотря на то, что не все его взгляды на международное право принимал. В предисловии к магистерской диссертации он напишет: «Особенно я благодарен Блюнчли, который с редкой готовностью руководил меня своими советами и снабжал меня книгами из своей библиотеки на время моего почти полуторагоднего пребывания в живописном Гейдельберге. Дни, проведенные мною с этим достойным служителем науки, принадлежат к самым светлым воспоминаниям в моей жизни». В 1876 году под редакцией Л. А. Камаровского выйдет в свет перевод на русский язык (В. Уляницкого и А. Лодыженского) книги И. К. Блюнчли «Современное международное право цивилизованных народов, изложенное в виде кодекса».

5 декабря 1874 года Л. А. Камаровский успешно защитил магистерскую диссертацию по теме «Начало невмешательства». В своей речи на публичном диспуте по данному сочинению диссертант отметил, что оно является первым результатом его занятий по международному праву и политике. «Всякий, посвящающий себя изучению известной отрасли человеческого знания, — сказал он далее, — естественно обращает прежде всего внимание на общие и основные вопросы науки, им избранной. К таким вопросам бесспорно относится в сфере международного права *начало невмешательства*. С одной стороны, научное его понимание и значение рас-

¹ *Bluntschli J.* Das moderne Kriegsrecht der civilisierten Staten. Nördlingen, 1866.

² *Bluntschli J.* Das moderne Völkerrecht der zivilisierten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen, 1867.

крываются для нас в той мере, в какой мы глубже вникаем во все-стороннее изучение государственной жизни и тех законов, которые ею управляют; с другой, практика на каждом шагу ставит нас лицом к лицу с вопросами в вмешательствах одного государства в дела другого»¹.

Стремясь выяснить, в чем заключается принцип невмешательства во внутренние дела других государств, Камаровский обратился сначала к теориям, изложенным в иностранной литературе. После этого он рассмотрел отраженные в дипломатических документах случаи охранительного вмешательства во внутренние дела государств, имевшие место с конца XVIII века — в условиях Великой французской революции, и по 20-е годы XIX века — в действиях государств, составивших так называемый «Священный Союз». Содержание диссертации делилось соответственно на две части: «Очерк I. Вопрос о невмешательствах в литературе» и «Очерк II. Охранительные вмешательства». Такой порядок изложения содержания диссертации имел очевидный недостаток: описанные в ней научные теории невмешательства отрывались от практики межгосударственных отношений, что не позволяло дать им надлежащей оценки. Порочным был и избранный Камаровским национальный признак группировки данных теорий: так, он сначала излагал теории немецких писателей о невмешательствах (Карла Роттека, Генриха Роттека, Гейберга, Гэфтера и Блюнчли), затем теории американцев (Витона, Лауренса и Кальво) и англичан (Вильдмана, Филлимора и Стэпльтона), после них — теории французов (Прадье-Фодере, Верже) и итальянцев (Росси, Мамиани, Видари, Фьоре, Пьерантони и Амари) и, наконец, точку зрения на принцип невмешательства русского правоведа М. Н. Капустина, изложенную им в книге «Обозрение предметов международного права» (М., 1856).

Явным пробелом диссертационной работы Камаровского было отсутствие в ней анализа так называемой «доктрины Монро» — провозглашенных в 1823 году президентом США Джеймсом Монро² в послании к Конгрессу принципа невмешательства США во внут-

---

¹ Сборник государственных знаний / Под редакцией В. П. Безобразова. СПб., 1875. Отдел критики и библиографии. С. 98—99.

² Джеймс Монро (James Monroe) занимал пост президента США в 1817—1825 гг.

рение дела европейских государств, а европейских государств — в дела американского континента¹.

Но самым большим недостатком магистерской диссертации Л. А. Камаровского было противоречие в основных ее положениях. Настаивая в своей работе на необходимости отличать вмешательство от посредничества и войны² и доказывая чрезвычайную опасность вмешательства во внутренние дела какого-либо государства со стороны другой иностранной державы, он вместе с тем признавал совершенно законным такое вмешательство на основании «высших требований общего человеколюбия», для защиты неких общечеловеческих интересов. Камаровский не учитывал, что столь неопределенное основание могло быть использовано на практике для оправдания любого вмешательства одного государства во внутренние дела другого государства. Наблюдаемые в современный период многочисленные случаи вмешательства США во внутренние дела других государств, отвечающие корыстным интересам правящих в этой стране кланов, оправдываются именно защитой «общечеловеческих интересов».

Ф. Ф. Мартенс считал «все исключения из принципа невмешательства» «опасными». Но тем не менее допускал, что в некоторых случаях вмешательство во внутренние дела какого-либо государства со стороны иностранной державы могло иметь место. «К случаям такого вмешательства, — писал он, — можно отнести следующее: 1) когда вмешательство основано на трактате, например, в том случае, когда известные государства взяли на себя поручительство в обеспечении устройства данной страны... Само собой разумеется, что поручительство за сохранение в другом государстве существующих порядков представляется совершенно ненормальным

---

¹ Дословно Джеймс Монро сказал следующее: «Our policy in regard to Europe, which was adopted at an early stage of the wars which have so long agitated that quarter of the globe, nevertheless remains the same, which is, not to interfere in the internal concerns of any of its powers; to consider the government de facto as the legitimate government for us; to cultivate friendly relations with it, and to preserve those relations by a frank, firm, and manly policy, meeting in all instances the just claims of every power, submitting to injuries from none. But in regard to those continents circumstances are eminently and conspicuously different. It is impossible that the allied powers should extend their political system to any portion of either continent without endangering our peace and happiness; nor can anyone believe that our southern brethren, if left to themselves, would adopt it of their own accord» (Compilation of the Messages and Papers of the Presidents / Ed. by D. Richardson. Vol. 2. Washington, 1907. P. 287).

² Камаровский Л. А. Начало невмешательства. М., 1874. С. 103.

явлением. Но если оно основано на трактате, оно не может быть отрицаемо. 2) Если внутренний государственный переворот нарушает положительные законные права других держав... 3) Если вмешательство вызывается вмешательством другого государства (контр-вмешательство)¹. Таким образом, в отличие от Л. А. Камаровского, Ф. Ф. Мартенс считал законным основанием для вмешательства нарушение не интересов, а *права*.

Сам Камаровский весьма критически оценивал первый свой научный труд по международному праву. Он признавал, в частности, что по причине его молодости и неполноты добытых сведений результаты его исследования начала невмешательства «должны быть очевидно весьма недостаточны»².

В тексте магистерской диссертации Л. А. Камаровского нашли свое выражение не только его научные идеи, но и политические убеждения. Молодой ученый выступил здесь с критикой взглядов Фридриха-Арнольда Брокгауза (*Friedrich Arnold Brockhaus*, 1838 — ?)³, изложенных в книге «Принцип легитимации»⁴. Немецкий правовед пытался доказать в данном произведении, что в основе легитимности того или иного властителя лежит сам факт обладания верховной властью. «Признаю, — отвечал на это Камаровский, — не могу согласиться с этим заключительным выводом Брокгауза: верховная власть не может считаться принадлежностью лишь того, кто наибольший смельчак: она и юридически получает свою санкцию либо от престолонаследия в неограниченных монархиях, либо из религиозных идей в теократиях, либо, наконец, от народного к ней уважения и любви в странах просвещенных. Народ, как политическая живая личность не есть вещь, которой можно распоряжаться безответственно»⁵.

Через две недели после защиты магистерской диссертации Л. А. Камаровский был назначен на должность приват-доцента по кафедре международного права. Так началась его преподавательская деятельность в Московском университете, продолжавшаяся 38 лет.

¹ *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Издание третье, исправленное и дополненное. СПб., 1895. Том I. С. 303.

² *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. М., 1874. С. 100.

³ Правовед Фридрих-Арнольд Брокгауз был внуком знаменитого немецкого издателя Фридриха-Арнольда Брокгауза (1772—1823).

⁴ *Brockhaus F. A.* Das Legitimationsprincip. Leipzig, 1868.

⁵ *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. С. IV.

1874 год вообще оказался судьбоносным для Л. А. Камаровского. В течение него в жизни Леонида Алексеевича произошло еще одно знаменательное событие: он женился на княжне Екатерине Александровне Ширинской-Шихматовой.

Род Ширинских-Шихматовых вел свое начало от татарских мурз Ширинских, имевших обширные земельные владения в Поволжье. Один из них — по имени Кинбар — поступил в 1485 году на службу к государю всея Руси великому князю Ивану III. Его правнука звали Шихмат (после крещения Василий Келядемаевич), он жил в начале XVI века. Сын Шихмата — Иван Васильевич — был в середине XVI века воеводой. Его потомки стали именоваться Ширинскими-Шихматовыми. В княжеском достоинстве этот род был окончательно утвержден Сенатом в 1836 году.

Дед Екатерины Александровны — Прохор Александрович Ширинский-Шихматов — был офицером, участником Отечественной войны 1812 года, в составе Русской армии дошел до Парижа. В возрасте 45 лет он, полюбив тринадцатилетнюю дочь своего соседа по имению, увез ее к себе в дом и женился на ней. Прожив 36 лет и родив пятерых сыновей и двух дочерей, она умерла. Прохор Александрович пережил ее на сорок лет. Е. Л. Камаровская писала в своих мемуарах: «Я помню своего прадеда, маленького, сухого, сморщенного старика, который при приезде к дочери, бабушке, нагонял на всех трепет и какой-то холод. Он умер ста девяти лет, за 2—3 дня до этого катаясь верхом и делая верст десять»¹.

Брат Прохора Александровича — Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790—1855) был писателем, академиком Императорской Академии наук, в 1849—1853 годах он занимал должность министра народного просвещения. Другой его брат — Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783—1837) — также проявил себя в литературном творчестве (как поэт) и являлся академиком. Закончил он свою жизнь архимандритом Новгородского Юрьева монастыря.

Сын Прохора Александровича — князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов (1822—1884) посвятил себя государственной службе на поприще народного просвещения, занимая должности директора 3-й Московской гимназии (в 1854—1857 гг.), помощника попечителя и попечителя Виленского учебного округа (в 1857—1864 гг.), попечителя Киевского (в 1864—1867 гг.) и Мос-

¹ Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 14.

ковского (в 1867—1874 г.) учебных округов, товарища министра народного просвещения (в 1874—1880 г.). В 1876 году он стал сенатором. Его женой была Екатерина Павловна Березникова (1832—1911). В их семье родилось семнадцать детей, из которых выжило только восемь: дочери Екатерина, Мария, Наталья, Варвара и сыновья Алексей, Сергей, Андрей, Дмитрий.

Екатерина Александровна не теряла связи со своими братьями и сестрами и после того, как вышла замуж. Ширинские-Шихматовы составляли поэтому и круг общения ее мужа Леонида Алексеевича Камаровского, и детей. Екатерина Леонидовна признавала впоследствии в своих мемуарах, что влияние Ширинских-Шихматовых было в ее жизни «очень большим»¹.

Помимо дочери Екатерины, родившейся в 1878 году, у супругов Екатерины Александровны и Леонида Алексеевича Камаровских был еще сын Сергей 1876 года рождения и младшая дочь Мария, появившаяся на свет в 1883 году. Все они получили хорошее домашнее образование: Екатерина смогла в результате него успешно сдать экзамены за полный гимназический курс и получить диплом домашней учительницы², а Сергей поступил сразу в пятый класс Московского лицея и по его окончании на юридический факультет Московского университета³.

¹ Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 19. Из братьев и сестер своей матери Екатерина Леонидовна особенно выделяла старшего среди них — Алексея Александровича Ширинского-Шихматова (1862—1930). В 1884 г. он окончил Императорское Училище правоведения и был определен на государственную службу по Министерству юстиции, но спустя год был переведен в Министерство внутренних дел. Во второй половине 80-х годов XIX века он служил на должности советника губернатора, а в апреле 1905 г. был назначен товарищем обер-прокурора Святейшего синода. Через год он занял пост обер-прокурора.

² О своей судьбе Екатерина Леонидовна Камаровская (1878—1965) рассказала сама в своих мемуарах. Сохранилась только часть их, посвященная ее жизни до 1912 г., опубликованная впервые в 2003 г. См.: Графиня Камаровская. Воспоминания // Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 6—220.

³ По завершении в 1901 г. университетского курса обучения Сергей Леонидович Камаровский будет оставлен при университете на юридическом факультете для приготовления к профессорскому званию на два года, без содержания (ЦИАМ.

В 1878—1879 годах Л. А. Камаровский находился в научной командировке во Франции, собирая материал для своей докторской диссертации. Он решил посвятить ее проблеме международного суда.

Идею такого учреждения Камаровский выводил из природы современного государства. Оно не может существовать, не вступая в общение с другими государствами. Но для регулирования межгосударственных отношений невозможно создать мировое центральное правительство, поскольку в этом случае государства перестанут быть государствами и превратятся в обыкновенные провинции некоего всемирного государства. Сущностным признаком современного государства является его суверенитет, отсюда вытекает, что международный союз, необходимый для упорядочения межгосударственных отношений, может выступать лишь в форме *юридической*, а не политической организации. Камаровский в полной мере сознавал, что международная жизнь не является повторением в больших масштабах жизни внутригосударственной; она возвышается над последней и как особая сфера существования человечества требует особой формы — юридической международной организации. Такая организация должна, считал Камаровский, вырасти из практики межгосударственного общения, а не являться результатом абстрактных теоретических построений.

Ее первым ядром, вокруг которого будет кристаллизироваться международный юридический порядок, международное положительное право, должен был стать, по мнению Камаровского, международный суд как выразитель и носитель юридического принципа общения.

Исследуя проблему международного суда, Камаровский не ограничился поиском истоков его идеи и рассмотрением ее развития в научных трудах, но разработал модель этого учреждения, включающую в себя как теоретические основания, так и практические принципы его организации, внутреннего устройства и деятельности. Страницы его докторской диссертации, на которых описана эта модель, — самая ценная часть данного его произведения¹.

Фонд 418. Оп. 463. Ед. хр. 31. Л.19 об.). Впоследствии он выберет себе административное поприще и некоторое время будет работать земским начальником в Брестской и Московской губерниях, затем станет членом правления общества Московско-Казанской железной дороги. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

¹ См.: *Камаровский Л. А. О международном суде* / Под редакцией Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2007. С. 373—443.

В 1881 году Л. А. Камаровский успешно защитил свою докторскую диссертацию «О международном суде» в публичном диспуте на юридическом факультете Императорского Московского университета. В том же году она была издана в виде отдельной книги. В 1887 году ее перевели на французский язык и издали в Париже¹.

По словам профессора У. Э. Батлера, «современники были восхищены разумностью и прагматичностью модели международного суда, предложенной Камаровским, и многие элементы данной модели были приняты Гаагским Постоянным Арбитражным Судом и Постоянным Судом Международного Правосудия. Книга Камаровского «О международном суде» заслужила в литературе по международному праву репутацию самого первого и беспрецедентного по своей основательности произведения на эту тему»².

30 октября 1881 года граф Л. А. Камаровский был утвержден Советом Московского университета в степени доктора государственного права и в звании ординарного профессора по кафедре международного права³.

80—90-е годы были в жизни Камаровского временем интенсивной научной деятельности. Он многократно (более 30 раз) выступал с докладами на заседаниях Московского Юридического общества. В различных периодических изданиях вышли десятки его статей («Институт международного права за последнее пятилетие. 1876—1881 гг.»⁴, «De l'idée d'un tribunal international»⁵, «Об идее мира между народами»⁶, «Законы сухопутной войны»⁷, «К учению о трактатах»⁸, «Об органах современных международных уний»⁹, «Опыт

¹ *Kamarskii L. A. Le tribunal international / Transl. S. de Westman. Paris, 1887.*

² *Батлер У. Э. Граф Л. А. Камаровский и создание международного суда // Камаровский Л. А. О международном суде. С. XLII—XLIII.*

³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 50. Д. 223.

⁴ Юридический вестник. 1882. № 6. С. 171—200; № 7. С. 367—381. Институт международного права был создан учеными, специалистами по международному праву, из Аргентины, Бельгии, Германии, Нидерландов, Италии, России (В. П. Безобразов), США и Шотландии в сентябре 1873 года в Генте (Бельгия). Л. А. Камаровский стал его членом-сотрудником в 1875 г. С 1891 г. он являлся действительным членом этого международного научного учреждения.

⁵ *Revue de droit international privé et de droit penal international. Paris, 1883. P. 44—51.*

⁶ *Русская мысль. 1884. № 7. Ч. 1. С. 120—135.*

⁷ Юридический вестник. 1885. № 8. С. 703—728.

⁸ Там же. 1887. № 5. С. 114—123.

⁹ *Русская мысль. 1892. № 12. Ч. 2. С. 161—182.*

кодификации частного международного права — конференция в Гааге 1893 г.»¹, «О значении войны для современного общества»², «Международное право как предмет самообразования»³ и др.). Был опубликован целый ряд его книг и брошюр («О политических причинах войны в современной Европе». М., 1888; «О международных мерах борьбы с эпидемиями». М., 1893; «Восточный вопрос». М., 1896; «Об основной задаче международного права». М., 1898; «Успехи идеи мира». М., 1898 и др.).

Самой значительной работой Л. А. Камаровского указанного периода стало произведение «Основные вопросы науки международного права», вышедшее в 1892 году в восьмом выпуске «Ученых записок Императорского Московского университета по Юридическому отделу», а в 1895 году — отдельной книгой. В нем ученый изложил свой взгляд на сущность международного права, его содержание, объективные основания, его связь с другими юридическими науками, рассмотрел область применения международного права, научное и практическое значение его изучения.

«Под международным правом, — писал Камаровский, — следует разуметь совокупность норм, обязательных для государств и для их подданных в их отношениях друг к другу и вообще к остальным людям в качестве пока членов Международного Союза, но, говоря шире, всего человечества»⁴. При этом термин «обязательный» был в его понимании синонимом слова «юридический».

Камаровский выделял в структуре международного права три части, которые, как он считал, имеют тенденцию к превращению в отдельные науки.

К *первой* из них он относил нормы, охраняющие интересы государств в целом, и составляющие *публичное международное право*. В его состав Камаровский включал: 1) учение «о государствах вообще как международных личностях», об их возникновении, правах и прекращении; 2) учение о территориях государств, о международных договорах; 3) учение о конфликтах между государствами и различных способах их разрешения.

Ко *второй* части международного права Камаровский причислял нормы, охраняющие интересы частных лиц, пребывающих на

¹ Журнал Юридического общества. СПб., 1894. № 6. С. 1—18.

² Северный вестник. 1895. № 2. Ч. 1. С. 127—141.

³ Там же. № 12. С. 46—68.

⁴ Основные вопросы науки международного права. М., 1892. С. 6.

иностранных территориях. По его мнению, данные нормы следует выделять в особую науку *частного международного права* и отличать от права публичного.

Третьей частью международного права Камаровский считал нормы, призванные охранять общественные интересы, которые выражают различные международные союзы, как-то: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, железнодорожный и др. По словам ученого, юридические нормы, относящиеся к ним, «удобнее всего называть *социальным международным правом*, становящимся в середине между публичным и частным международным правом»¹.

Под объективными основаниями международного права Камаровский подразумевал такие условия его существования, которые не зависят от чьей-либо воли — будь то воля отдельных людей или могущественных держав. Это, по его мнению, в первую очередь «физические особенности Европы», во-вторых, «племенное родство европейских народов», в-третьих, «их родство духовное», в-четвертых, «параллельность всего их исторического роста и развития»².

Камаровский признавал, что Россия является «особенным миром», что она, во всяком случае, «отличается более от остальной Европы, чем отдельные ее народы друг от друга». Данное отличие он объяснял не только обширностью России и ее положением среди двух миров: европейского и азиатского, но и иными условиями ее исторической жизни: принятием христианства не от Рима, а от Византии, многовековой ее борьбой с азиатскими хищниками, долгим обособлением от Европы и проч.»³. «Но русские, как и славяне вообще, — отмечал он при этом, — члены великой европейской семьи народов во 1-х, вследствие того, что они христиане, и, во 2-х, потому, что они, как и романцы и германцы, принадлежат к арийцам и одарены общими им всем способностями. Поэтому международное право, хотя и выросло на почве Западной Европы, не может быть для России и для славянских народов чем-либо чуждым и еще более враждебным, но оно, уважая и признавая их особенности, соединяет все христианские народы в одну живую и великую семью»⁴.

¹ Основные вопросы науки международного права. С. 9.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же.

Рассматривая международное право как науку, Камаровский проводил в своей книге мысль о том, что оно есть «логический вывод из принципов всех других отраслей права и в то же время их естественное и глубокое *завершение*». В этом отношении, продолжал он, «международное право занимает в системе правоведения то же место и значение, которое, по отношению всех областей человеческого знания, принадлежит философии, как дисциплине их всех объединяющей и завершающей. Но есть между ними и важное различие, лежащее в том, что указанное положение международного права не есть только, как положение философии, чисто теоретическое, отвлеченное и логическое, — а прежде всего *живое* и поэтому *разносторонне-реальное*»¹. Таким образом, в системе научной юриспруденции Камаровский отводил международному праву роль науки наук. Но знание его основ он считал обязательным не только для юристов, но и для государственных деятелей, политиков, журналистов, пишущих на международные темы и др. «В интересах всех, — писал он, — желательно более широкое распространение среди образованных классов знания начал международного права. Этим в значительной степени просветится ум населения, умерятся страсти и окрепнет мир. Разные политиканы и борзописцы менее будут иметь возможность играть судьбами народов ради своих личных и темных целей»².

В 1897 году Л. А. Камаровский опубликовал свой курс лекций по международному праву. Некоторые части курса, которые им не читались, были дополнены лекциями В. А. Уляницкого³. Впоследствии эта книжка неоднократно переиздавалась (в 1900, 1905, 1906 и 1908 гг.).

19 декабря 1897 года исполнилось 25 лет преподавательской деятельности Л. А. Камаровского в Московском университете. По Университетскому уставу профессора, прослужившие такой срок, должны были избираться Советом факультета на каждое новое пятилетие, причем для того, чтобы считаться избранными, им необходимо было получить две трети голосов. Граф Камаровский успешно прошел эту процедуру и решением Совета юридического факультета от 26 февраля 1898 года был оставлен на университет-

¹ Основные вопросы науки международного права. С. 84.

² Там же. С. 91.

³ См.: Камаровский Л. А., Уляницкий В. А. Международное право. М., 1897.

ской службе еще на пять лет¹. 19 декабря 1899 года ему было присвоено звание заслуженного ординарного профессора.

Последнее десятилетие жизни Л. А. Камаровского было, как и прежде, заполнено интенсивной научной деятельностью. В этот период вышли в свет такие его работы, как «Предложение России об ограничении вооружений» (Русская мысль. 1900. № 5. Ч. 2. С. 69—99), «Международное право в XIX веке» (М., 1901), «Современные штаты Европы: по вопросам о международной организации Европы» (Русская мысль. 1902. № 9. Ч. 2. С. 1—31), «Христианская нравственность и международные отношения» (Вера и церковь. 1903. Кн. 5. С. 810—827) и др. Характеризуя творчество графа Л. А. Камаровского, В. Э. Грабарь писал: «Любовь к труду сделала из него самого плодovitого из русских международников, и не только русских. По складу своего ума он скорее популяризатор науки, чем оригинальный мыслитель. Но все его работы проникнуты одной мыслью, одним духом — беззаветной преданностью идее международного общения, международной организации, пацифизма. В этом смысле он представлял собою очень самобытную, оригинальную личность»².

12 января 1905 года исполнялось 150 лет Императорскому Московскому университету. Русские ученые предполагали отметить эту торжественную дату целой серией юбилейных торжеств. Ими были подготовлены многочисленные «адреса» и «послания» в адрес старейшего университета России, в которых помимо поздравительных и славящих юбиляра сентенций излагались конкретные предложения о совершенствовании российской системы университетского образования. В самый же день юбилея в Санкт-Петербурге должен был состояться специальный банкет, на котором его организаторами планировалось зачитать предназначавшуюся для правительства и составленную от имени наиболее авторитетных в русском обществе ученых «Записку о нуждах просвещения». Кровавые события 9 января 1905 года в центре Санкт-Петербурга заставили ученых отменить намечавшиеся торжества в честь 150-летия Московского университета. Упомянутая же «Записка» была просто опубликована за подписью 342 лиц, среди которых было 16 действительных членов Императорской Академии наук, 125 профессоров и 201 при-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Ед. хр. 28. Л. 162—167.

² Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М.: Зерцало, 2005. С. 391.

ват-доцент высших учебных заведений России. Подписал данный документ и граф Л. А. Камаровский.

По содержанию это был настоящий политический манифест. Совершенствование системы образования ставилось в нем в прямую связь с полным и коренным преобразованием современного строя России на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации. Ученые, подписавшие его, вполне сознавали степень опасности этого своего поступка. Все они имели статус государственных служащих, с которым было сопряжено немалое количество материальных благ, и который давал им возможность заниматься любимым творческим делом. «Всякому понятно положение человека, внезапно лишившегося средств существования, — писал К. А. Тимирязев, — но не всякому доступно оценить, чего лишает себя ученый не по мундиру только, который он носит, а по призванию, когда лишает себя обстановки, без которой немислима его деятельность»¹. И репрессии со стороны властей в отношении подписантов действительно готовились. В Министерстве народного просвещения обсуждалось применение к ним таких мер, как освобождение от должности или приостановление выдачи им жалованья. Президент Академии наук великий князь Константин Романов в своем циркулярном письме поставил подписантам на вид «внесение в науку политики и нарушение долга подданных» и рекомендовал им отказаться от жалованья, получаемого от «порицаемого правительства». Но ученые не дрогнули. «Мы считаем, что наша прямая обязанность была высказать, в чем мы видим исход из настоящего тяжелого состояния. На нас лежит этот нравственный долг перед отечеством, которому мы обязаны своим высоким положением, и перед народом, из средств которого составляется получаемое нами казенное содержание»², — ответил великому князю академик Алексей Ляпунов.

Дальнейший ход событий в России в течение 1905 года заставил правительство забыть об оппозиционной «выходке» ученых. Политический кризис, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, обострился настолько, что многие политические деятели заговорили уже о революции. В этих условиях самодержавная власть пошла

¹ Тимирязев К. А. Наука и демократия. М., 1968. С. 50.

² Цит. по: Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов В. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724—1917. М., 1977. С. 315.

на уступки обществу: 17 октября 1905 года был издан «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», вменивший в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Сразу после этого в России стали возникать политические партии. Первой среди них оформилась конституционно-демократическая партия. Ее учредительный съезд прошел с 12 по 18 октября 1905 года. Он объявил партию образовавшейся и принял ее программу. В состав этой партии вошли многие правоведы.

Граф Л. А. Камаровский не остался в стороне от развернувшегося в России партийного движения. Он решил связать свою политическую судьбу с партией «Союз 17 октября», которая начала организационно оформляться с конца октября 1905 года, а свой первый съезд провела в феврале 1906 года. В программе партии, принятой на этом съезде, политическим идеалом октябристов объявлялась «наследственная конституционная монархия, в которой император, как носитель верховной власти, ограничен постановлениями Основных законов». Данный идеал в полной мере разделял и Л. А. Камаровский, входивший в состав Центрального Комитета партии «Союз 17 октября» и занимавший некоторое время пост товарища председателя партии А. И. Гучкова.

На 3-м Всероссийском съезде партии октябристов, проходившем в Москве в зале Политехнического общества на Мясницкой улице с 4 по 8 октября 1909 года, граф Камаровский выступал с приветственным словом по случаю открытия заседаний съезда и с докладом, представленным от имени секции Центрального Комитета «Союза 17 октября» по вероисповедным вопросам.

Текст этого доклада был написан самим Камаровским, в нем отражались его воззрения на взаимоотношения государства с церковью. «Свобода вероисповедания, — говорил он, — понимается как признаваемое государством право каждого беспрепятственно исповедывать свою веру и проявлять ее в обрядах культа совместно с другими лицами, исповедующими ту же религию. Но такая свобода не может быть безусловной. Она не равносильна отделению церкви от государства. Наше государство, как государство христианское, должно оказывать христианству особое покровительство, так как начало христианской религии — главная опора человеческих законов и основа гражданского порядка. Как в государстве рус-

ском, Греко-восточному православию должно быть предоставлено первенствующее и господствующее положение, так как православная вера исторически связана с судьбами русского государства и составляет основу мирозозерцания огромного большинства русского народа»¹. При этом Камаровский особо подчеркивал в своем докладе, что «преимущества господствующей православной церкви не должны иметь характера преследования других религий»².

Состояние русской церковной организации Камаровский оценивал весьма критически. В числе главных ее недостатков он выделял, в частности: «1) Ослабление живой связи между членами церкви; 2) отсутствие самодеятельности во внутренней жизни церковного общества; 3) преобладание во всех областях церковной жизни крайнего формализма и бюрократизма и 4) чрезмерное влияние государства, лишаящее церковь должной свободы и независимости»³.

В 1909 и 1910 годах в жизни Л. А. Камаровского произошло сразу несколько событий, которые свидетельствовали об общественном признании его научных заслуг в области международного права. В 1909 году он был назначен императором Николаем II членом (от России) Постоянной Палаты Третьейского суда — международного арбитражного органа, учрежденного в 1899 году в Гааге на основе конвенции о мирном разрешении международных столкновений. 4 декабря 1910 года его избрали член-корреспондентом Петербургской Академии наук по разряду историко-политических наук историко-филологического отделения (в академии отсутствовал разряд юридических наук).

В 1909 году Л. А. Камаровский был избран на должность декана юридического факультета Московского университета. При этом недостаток денежных средств заставлял его читать лекции не только в стенах своей *alma mater*, но и в Народном университете им. А. Л. Шанявского и на Высших женских юридических курсах.

В конце 1910 года по университетам Российской империи покатила волна студенческих митингов и забастовок. Стремясь предотвратить превращение учебных заведений в политические клубы, министр народного просвещения Л. А. Кассо подготовил циркуляр «О временном недопущении публичных и частных студенческих

¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Том 2. 1907—1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 100.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 100.

собраний в стенах высших учебных заведений», который был издан от имени Совета министров 11 января 1911 года¹. Согласно циркуляру, в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги, в случае же, если этот запрет нарушался, на градоначальников возлагалась обязанность принимать с помощью полиции быстрые и решительные меры для восстановления правопорядка.

15 января Совет Московского университета, заслушав на своем заседании предложения управляющего Министерством народного просвещения по исполнению на практике Постановления Совета министров от 11 января 1911 года, принял решение: объявить студентам о необходимости иметь при себе входные билеты, позволять в стенах университета исключительно собрания научного характера. Эти меры оказались недостаточными для наведения в Московском университете надлежащего порядка. 27 января группа агрессивно настроенных студентов начала здесь забастовку. Не только преподаватели, но и многие студенты не поддержали ее². Стремясь вовлечь в противоправительственную акцию как можно больше молодых людей, организаторы ее запугивали тех студентов, кто хотел учиться и не желал принимать какого-либо участия в политических мероприятиях. Дело доходило до того, что студентов, уклонявшихся от участия в митингах и забастовке, оскорбляли и даже били, не пускали в учебные аудитории.

Ректор Московского университета А. А. Мануйлов не захотел или не смог восстановить должный порядок во вверенном ему учебном заведении. В результате эту функцию взял на себя Московский градоначальник. Он послал в университетские здания полицейских. Руководство университета восприняло эти вполне логичные действия градоначальника и полиции как грубое нарушение университетской автономии. 28 января состоялось чрезвычайное заседание Совета университета, на котором ректор А. А. Мануйлов «представил совету доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности нести на себе обязанности ректора и подает прошение об отставке³. Такие

¹ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 32. С. 41—43.

² В январе 1911 г. в Московском университете обучалось в целом 9940 студентов, на юридическом факультете — 3890 студентов.

³ О том, что руководство Московского университета подаст в отставку в случае возникновения в стенах университета беспорядков, было известно преподавателям Московского университета еще 19 января. О предполагаемой отставке рек-

же заявления были сделаны помощником ректора М. А. Мензбиром и проректором П. А. Минаковым. Совет <...> признал, что при создавшемся положении выборная университетская администрация не может нести возложенные на нее обязанности»¹.

1 февраля министр народного просвещения Л. А. Кассо принял отставку руководства Московского университета. На следующий день в «Правительственном вестнике» был опубликован Высочайший указ об увольнении А. А. Мануйлова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова от административных должностей. Одновременно им воспрещалось заниматься научной и преподавательской деятельностью в университете.

Исполняющим обязанности ректора Московского университета был назначен декан юридического факультета Л. А. Камаровский. Ему удалось возратить в университет целый ряд ушедших из него в знак солидарности с прежним ректором преподавателей, он сумел добиться от властей выполнения правила, по которому полицейские могли входить в университетские здания только по просьбе руководства университета.

Выборы нового ректора Московского университета были назначены на 22 апреля 1911 года. Леонид Алексеевич собирался участвовать в них, и он, несомненно, был бы избран на этот пост, но судьба оказалась немилосердна к нему. Нелепый трагический случай не позволил графу Камаровскому стать ректором Московского университета. Екатерина Леонидовна в своих мемуарах описала произошедшее с ее отцом следующим образом: «Он шел на выборы в ректоры в университет и, имея ослабленный слух на одно ухо, попал под трамвай во время перехода через дорогу. Я живо помню всякую деталь этого случая и все, что тогда пережила. У меня до сих пор сохранились многочисленные вырезки из газет, где подробно описывался этот случай с отцом. Выборы ректора были отложены ввиду этого, а затем папа снял совсем свою кандидатуру по болезни»².

тора Мануйлова и его команды писала 19 января 1911 г. профессору юридического факультета Московского университета Е. Н. Трубецкому, пребывавшему в то время в Риме, Маргарита Кирилловна Морозова (вдова фабриканта М. А. Морозова). При этом она ссылалась на В. М. Хвостова («Веня говорит, что если возникнут беспорядки, то Мануйлов и К^о подадут в отставку и тогда начало конца автономии» (Отдел рукописей РГБ. Фонд 171. К. 76. Л. 35).

¹ Цит. по: газета «Русские ведомости». 1911. 29 января.

² Графиня Камаровская. Воспоминания // Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 149.

30 апреля 1911 года состоялись выборы нового ректора Московского университета: эту должность занял профессор русской истории Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936).

Леонид Алексеевич Камаровский после трагического случая, произошедшего с ним 22 апреля 1911 года, так и не поправился. Из-за общего ослабления организма в нем обострилась никогда, кажется, его не покидавшая болезнь легких — туберкулез. 8 декабря 1912 года он скончался, прожив на этом свете 66 лет и девять месяцев без недели.